

126 МАР 1975

И СЕРДЦЕМ, И УМОМ

...В повести, которую он сейчас пишет, есть такие слова: «Сколько артистов выходит каждый вечер на поединок с залом, ранить и врачевать души. Но чтобы уметь это, необходимо самому быть открытой, ходячей раной».

Самому быть открытой, ходячей раной...

— Один из ваших героев, Валерий, Федор Кузькин задавал жизни один вопрос: «Счастье. Какое оно?».

А актерское счастье — какое оно?

— Однажды мне пришлось его видеть. Я был приглашен на «Ленфильм» озвучивать песни к вновь выходящей на экран картине «Большая жизнь». Режиссер этого восстановления подбирал голоса для озвучивания тех ролей, исполнителей которых уже нет. И очень много перепробовали актеров «на голос» Петра Алейникова. Пробовали даже пародистов, чтобы они голос формально скопировали.

И Петр Алейников остался в картине единственным актером со своим «тогдашним» голосом. Единственным!

Говорят, незаменимых нет... Я тогда очень позавидовал такой судьбе. Хотелось сыграть так, чтобы не подобрали ключа, чтобы разгадку с собой унес. В этом тайна большая заключена.

Актерское счастье — оно никогда не бывает полным. Но оно, как, впрочем, и несчастье, бывает каждый день: сыграл удачно спектакль — уже счастье, нет — ...

И пытаешься играть так, чтобы почаще посещало вдохновение.

Он сказал «вдохновение» — и, взглянул искоса, с опаской: слово громкое, захватанное, но ведь в нем — суть, без него не обойтись.

— А полного актерского счастья, как и человеческого, наверное, и нет.

В кино мы знаем его удивительного Бумбараша, надежного, рассудительного хозяина тайги участкового Сережкина, чистого, сказочно-го Лутону...

В театре мы знаем его Маяковского и Пушкина, Водоноса и Федора Кузькина...

На телевидении он сыграл (сам он говорит — попробовал сыграть) Раскольников, Протасова в «Живом трупе»...

— Не знаю, какой актер бывает полностью доволен в театре: театр берет много времени и мало дает в смысле актерской жадности. Репертуарную политику в театре определяет режиссер. Для такого театра, как наш, это особенно важно. У Юния Петровича Любимова собственная театральная эстетика, и ее или принимаешь и

работаешь, или не принимаешь и уходишь. Я ее принимаю и разделяю, но телевидение и кино дают мне возможность сыграть те роли, которые я вряд ли когда-нибудь сыграю в театре.

— У вас в репертуаре есть спектакли, которые вы играете по десять, по восемь лет... И вот что касается поэтических композиций, особенно поэтически-биографического «Послушайте!» (Ма-

тали стихи. — Валерий улыбнулся и поднес к глазам ладонь, словно книгу, — было непонятно, но нравилось. Сменю вспомнить; мы тогда не представляли, что стихи могут быть сценическим действием. А у нас такой театр — миром играем...

— Вы приехали сейчас в Таллин прямо со съемок?

— Да, снимаюсь на «Ленфильме» у режиссера Иосифа Хейфица. Играю Николая Касаткина в фильме по рассказу Павла Иличина «Дурь».

Играю в театре, снимаюсь в кино и пишу повесть. Больше ни о чем сейчас не могу думать.

— Еще один вопрос, Валерий. Театр на Таганке стал чуть ли не синонимом современного театра. Как вы сами относитесь к недавно отшумевшему спору о том, что такое современный театр и современный актер?

— Ничего в нем не понимаю. По-моему, современный актер тот, кто хорошо понимает, что он делает на сцене и зачем все это. А хороший актер всегда это понимает, если не головой, то сердцем.

«... необходимо самому быть открытой, ходячей раной».

НАШ СОБЕСЕДНИК — артист Московского театра драмы и комедии на Таганке
ВАЛЕРИЙ ЗОЛУТХИН.

яковский) — меняется ли с годами отношение к поэзии, к ролям?

— Трудно сказать. Вы несколько раз смотрели? И показалось по-разному? Трудно сказать, конечно, и мы повзрослели, и те зрители, которые видели спектакли несколько раз, в разное время, тоже, наверное, внутренне изменялись.

Произносимый текст, судьба изображаемая только тогда греет, когда в себе что-то находишь, в тебе что-то откликается. Когда мы работали над Маяковским, мы его полюбили «враз и навсегда». Вряд ли менялось отношение, может быть, уточнялось.

Что касается поэтических композиций, то для нас очень важны были, да и есть, «Антимир». Тогда впервые было ЗВУЧАЩЕЕ СЛОВО. В первый раз тогда увидели живого поэта. Чи-

ффа Хейфица. Играю Николая Касаткина в фильме по рассказу Павла Иличина «Дурь».

Играю в театре, снимаюсь в кино и пишу повесть. Больше ни о чем сейчас не могу думать.

— Еще один вопрос, Валерий. Театр на Таганке стал чуть ли не синонимом современного театра. Как вы сами относитесь к недавно отшумевшему спору о том, что такое современный театр и современный актер?

— Ничего в нем не понимаю. По-моему, современный актер тот, кто хорошо понимает, что он делает на сцене и зачем все это. А хороший актер всегда это понимает, если не головой, то сердцем.

«... необходимо самому быть открытой, ходячей раной».

Интервью взяла
Этери КЕКЕЛИДЗЕ.